

Геленджик

Чудо Пицундской Сосны

ISBN-13 978-1-950311-03-3

Copyright©2019ElenaPankeyAllRightsReserved

Содержание

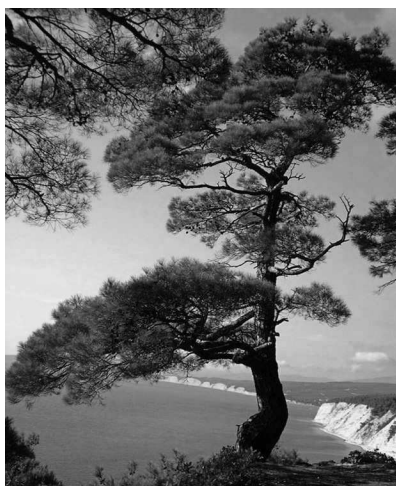
Пицундская Сосна	3
Любите детей	4
Мой друг – Печка	8
Встреча с Волками	14
Два Барашка	19
Уроки Деда	21
Королева	26
Московский Слон	31
Жемчуг	36
Дяди	42
Гости	49
Мечта	51
Поцелуй	54
Пробуждение	57
Кино	59
Аккордеон	63
Школа	67
Баскетбол	71
Радио	74
Дед Минай	77
Тайные Связи	80
Цыгане	94
Актеры	98
Пианист	99
Выпускной	103
***	103
Сергей	103
Замужество	107
Подарок	110
Отчаяние	118
Расправа	122
Новосибирск	132
Ляля	139
Уточки	141
Бабушка	144
Танго	156

Пицундская Сосна

Геленджик славится знаменитой Пицундской сосной, которая украшает многие улицы города. Когда спускаешься к берегу моря, то сквозь ветви с огромными сосновыми иголками появляется лазурная гладь прекрасной бухты и наполненный сосновым ароматом воздух просто незабываем.

Это реликтовое удивительно-полезное дерево с лечебными свойствами произрастало ещё до ледникового периода. Проникнуть на побережье леднику помешали горы Кавказа. Пицундская сосна поднимается по кручам до 400 метров, и особенно красиво смотрится на прибрежных известняковых скалах, где она успешно размножается. Это быстро растущая и теплолюбивая порода, не переносит даже слабого затенения. Но хорошо переносит морские бури, успешно противостоит загрязнению воздуха, не требовательна к почвенным условиям и засухе. Пицундская сосна растёт в диком виде только на побережье Чёрного моря и находится под угрозой исчезновения.

Эта книга об удивительной девочке, которая любила всех вокруг себя, и невзирая ни на что, жила как эта чудесная сосенка на сухой, соленой, ветреной скале, преодолевая все препятствия на пути к счастью. Девочка верила, что её ждут чудеса и прекрасные превращения, и только радость у неё впереди. Она смотрела на мир с широко открытыми глазами и шла к людям с открытым, доверчивым сердцем.

Любите детей

Любите детей! - берегите их души от всех потрясений, от взрослых интриг

Однажды, изучая английский язык в Западной Вирджинии, я проходила на уроки через картинную галерею. Остановившись перед “Портретом молодой девушки” (Ренуара), я удивлялась мастерству художника. Девушка следила за мной, куда бы я ни двигалась, а её прекрасные глаза говорили о счастливой чистоте юности и смотрели на мир без страха. Перед этим портретом, я вспоминала, какой наивной я вошла в этот мир. Избыток доверия и щедрости переполняли меня, а мои глаза были широко открыты для добра.

Детство. Среди суеты дня мне некогда заглянуть к тебе, и только иногда ночью раздвигаем мы шторы глубокой памяти и вновь бродим в полузабытых лабиринтах сладостных воспоминаний. В течение долгого времени я не хотела оглянуться назад в этот колодец болезненно-острых потерь. Первый страх приходит к ребенку через реакцию его близких на происходящие события. Так и у меня с детства создавались различные опасения, и первый страх пришел очень рано.

Я никогда не забуду одну картину. Вот я рыдаю на руках у бабушки, бьюсь как раненная птица, дрыгаю ногами, и изо всех сил колочу её кулачками от жуткого бессилия. Чувствуя, что нельзя так биться, я все же пытаюсь вырваться из её рук и зову удаляющуюся с чемоданами маму. Бабушка пытается успокоить и утешить меня, но её любящие слова не помогают. Кажется, что мое сердце вот-вот разорвется от душевных страданий, страха и неожиданного предательства. Моя мама только вчера вечером обещала взять меня с собой и заботиться обо мне. Но вот я вижу, что она достала свой большой чемодан и укладывает в него свои вещи. Я начинаю беспокоиться, приношу мои платья, кладу рядом.

Потом она укладывает меня спать и поет песню. А я вижу у неё на глазах слезы. «Мамочка возьми меня с собой! Я буду помогать тебе во всем и не буду мешать». Но на следующее утро я проснулась слишком поздно. В доме была необычная тишина, и я сразу с тревогой крикнула “мама!” Но дом отозвался только пустым эхом. Не услышав её дорогого голоса, я выбежала во двор и увидела, что моя любимая мама уже выходит на улицу, а её младший брат несёт её чемодан. Я со всех ног рванулась к калитке, в испуге крича: “Ты же обещала

взять меня с собой!” Но тут ко мне подбежала бабушка, подхватила на руки и прижала к груди. А мама идет, не оглядываясь на мои истошные крики, уходит все дальше. Я смотрела, как она уходит, не понимая почему, я любила ее больше всего на свете и не могла жить без нее. Мне хотелось догнать маму, уцепиться, обнять и никогда не расставаться с ней. Я долго зову её, плачу от глубокого отчаяния. Но она уходит все дальше, и вот её уже не видно. Этот трагический момент сильнейшего эмоционального потрясения остался со мной навсегда. Мой мир доверия и любви был разрушен. Этот жестокий урок страха и боли посеял зерно недоверия к людям и заставил сомневаться во всех во всем. Наш дом опустел, как и опустело моё сердце. Однажды бабушка, видя моё отчаяние, сказала, что нам надо долго лететь на самолете, чтобы добраться до мамы.

На противоположном Тонком Мысу был аэропорт. Когда был сильный ветер, самолеты разворачивались над нашим домом, заходя на посадку. Иногда, с утра пораньше я собирала свои незамысловатые игрушки в маленькое ведёрко и с надеждой выбегала за калитку. Там я долго смотрела в небо, и, увидев самолет, кричала изо всех сил: “Летчик, летчик! Отвези меня к маме на Сахалин!”

Но самолет пролетал мимо, не приземляясь у дома, на нашей Поляне, и не беря меня с собой. Мой дед стоял у калитки, смотрел на меня и хихикал. Видимо, я делала что-то не так, и мне было горько. В течение нескольких дней я думала, что моя мама вот-вот вернется, “скоро” как мне сказали. Поэтому я брала свою маленькую скамеечку, становилась на неё и смотрела с утра до темноты в окно, без перерыва даже на свои любимые игры. Я просто стояла там и ждала её, чувствуя, что у меня совсем нет никакой защиты. И это еще больше усиливало внутреннюю потребность как-то к ней попасть. Потом подходила бабушка, брала меня за руку: “Надо бы шубку сначала купить, детка, там же холодно на Сахалине”. Она заговаривала и пыталась придумать разные успокоительные истории, чтобы меня отвлечь.

Вот как-то летом на нашу Поляну сел вертолет и все побежали к нему. Мне тоже было любопытно, хотелось покататься и попасть к маме. Я подкралась ближе к толпе, спешащей к трапу, и тихонечко пошла рядом с какой-то женщиной. Проникнув внутрь, я забилась под кресло и сидела там, притаившись, пока вертолет ни поднялся в воздух. А потом я вылезла и села в кресло, наслаждаясь видом из окна. Вот тут-то меня и обнаружили: “Ты чья? Где живешь?” А я им показываю вниз: “Вон там, в саду мой дом второй от угла! А вон моя

бабушка бежит по полю и радостно нам машет. Но мне надо к маме на Сахалин!” Но вертолет сделал большой круг над городом, а потом его посадили обратно на Поляну. Подбежала плачущая бабушка, которая была счастлива, что меня не украли как в прошлый раз. Она просто радовалась, что я нашлась, а дед опять был очень сердит. Так что когда мы с бабушкой вернулись домой, то сидели тихо-тихо, обнявшись, подальше от него и читали книжку.

Проходили дни и недели. Вот и осень наступила с её долгими дождями и Норд-Остами. Жизнь в холодном домишке стала еще более сумрачной и одинокой. Каждый день я продолжала стоять у окна на терраске, а потом в комнате у стеклянной входной двери. Я боялась пропустить мамино возвращение, потому что для меня “скоро” означало через час, ну, в крайнем случае, завтра. Я с нетерпением ожидала её прекрасное и доброе лицо. И вдруг однажды я внезапно и четко увидела как она, вся такая молодая, красивая и гордая, с таким спокойным лицом приближается к дому. Одета она была в теплое пальто, а руки прятала в черной, каракулевой муфте. Я удивилась, что у мамы была такая старомодная, зимняя муфта. Но только почему-то она не пошла к нам, а повернула к нашему колодцу у соседского забора. “Мама! Я же здесь!” - крикнула я изо всех сил.

- Аленушка, деточка моя, что с тобой? - раздался испуганный голос бабушки.

- Там мама! - мама во дворе! Я видела её! Быстрее, а то она к соседям пошла! -

Я заколотилась всем своим худеньким тельцем в закрытую стеклянную дверь, стуча кулачками, зовя и пытаюсь выбежать к ней. Но моя табуретка вдруг перевернулась, я упала, сильно ударившись о её бок, я потеряла сознание. Моя бабушка позже рассказывала, что я оставалась в этом состоянии длительное время. Потом я опять вернулась к закрытой двери, ни желая, ни есть, ни пить, ни играть, отчаянно ожидая обещанного “скорого” возвращения мамы. Как и любой другой ребенок, я, сильно нуждаясь в любви и заботе, но стала глубоко сомневаться, что кто-то действительно любит меня. Не находя теплоты и нежности вокруг, я перестала беспричинно счастливо улыбаться, как это было раньше. С тех пор в сердце поселились два страшных зверя: одиночество и разлука. Казалось, что только они одни принадлежали мне полностью, не предавая.

О маме напоминали стоявшие на терраске резиновые боты. В дождливую погоду она их надевала на красивые туфли, когда уходила

на работу. А рядом с ними все еще стояла моя темно-синяя, старая коляска с откидным верхом. Однажды она возила меня куда-то в ней, а я старалась заглянуть за поднятый капюшон коляски и увидеть, что же там происходит вокруг. После тесного, сумрачного дома, поездка по городу была приключением, а этот поднятый от дождя верх мне мешал. Я расстраивалась, но, не умея об этом сказать, плакала, а мама хмурила лицо и сердилась. Прошла зима, а с ней боль утраты и предательства частично ушли глубоко в подсознание. Я старалась больше не спрашивать о маме. Потом опять наступила весна с её пробуждающейся природой и надеждой. А потом пришло любимое время года с веселым шумом играющих на улице детей.

Только через несколько лет моя мама вернулась в Геленджик, совсем мне чужой, когда я уже её почти забыла. Это первое горе и утрата родного человека поселили в моей душе недоверие ко всем вокруг, в дальнейшем исковеркав мою жизнь. Мое поведение и отношение к окружающим зависело от того, что я чувствовала о людях. Любой человек может найти источник его проблем в трагедиях детства. После первой душевной травмы у меня появилось несколько комплексов, которые я разгадала много лет спустя, проанализировав события далекого детства. Один из них был страх куда-то опоздать. Он появился сразу после того момента, когда моя мама утром ушла, в то время пока я еще спала. Этот сильнейший страх “не опаздывать” был давний и очень сильный. Позже, даже когда я, спеша куда-то, задерживалась хотя бы на несколько минут, то уже чувствовала неприятный стресс. Поэтому старалась всюду приходиться заранее.

Когда я перелистываю альбомы далёкого прошлого, то вижу маленькую невинную девочку, смотрящую на мир большими, всегда заплаканными глазами и спрашивающую: “Будете ли вы любить меня?” Я помню, что каждый её день был наполнен различными страхами и грущу вместе с ней. Борясь за возможность чувствовать заботу близких, я просто улыбалась всем, пытаюсь защититься или молча пряталась подальше. Но часто я шла на неосознанный риск, чтобы только отличаться, выделиться, что-то преодолеть и завоевать внимание. Жизнь вокруг меня была полна противоречий и тайн, а я сражалась одна со всевозможными демонами, стараясь избегать людей, боясь, что они принесут мне душевную боль. Позже я замкнулась в себе и только ждала и ждала какого-то чуда. Но мне никто не помогал понять, что я ничего и никому не должна доказывать.

Мой друг – Печка

В жизни у каждого человека есть особое, любимое место, в которое он хотел бы когда-либо вернуться. Есть такое необычное место и у меня, но попасть туда невозможно. Только иногда в моей памяти я еду в дом моей старой бабушки, которая всегда меня радостно ждет. Там я провела своё бедное детство, выросла и много пережила.

Я росла как неухоженный сорнячок в маленьком, покосившемся домике бабушки Ани и деда Мины. Домик стоял прямо на земле без фундамента и был окружен густым садом с абрикосовыми деревьями и виноградником. Там было три крошечные комнатки и деревянная, покрашенная в зелёный цвет терраска с перегородками. Много лет спустя этот старенький домик был перестроен заново с помощью моей мамы, вернувшейся с заработков на Сахалине.

Около терраски росла густая трава мяты и крапивы, которые почти закрывали его низкие окна. Потолок в доме был весь в трещинах и буграх. Бабушка часто говорила своему мужу: “Починил бы потолок-то, ведь скоро на нас упадет. Да и крыша течёт”. Я тоже смотрела вверх с опаской и представляла себе этот падающий на нас потолок. А весной баба Аня, не дождавшись помощи, сама пыталась забелить, замазать и залепить все вокруг. Обычно к майским праздникам она радостно заканчивала всю эту гигантскую работу и с удовлетворением

любовалась своим обновленным домом. Когда я болела, что особенно часто происходило осенью и зимой, моим развлечением было лежать на дедовой скрипучей кровати с металлическим матрасом и глядеть на наш неровный потолок. Я составляла

фигурки из его трещин или искала что-то похожее на живые существа. Хотя в доме бабушки было три комнаты, но зимой мы могли жить только в одной, где стояла традиционная русская печь. Эта

старинного типа печь занимала почти всю комнату от пола до потолка и имела небольшое пространство наверху – лежанку. Пол всегда был холодный, без половиков. Поэтому большую часть холодного времени я проводила на этой моей лежанке, единственном теплом месте нашего ветхого дома.

Печь сильно дымила и наполняла комнату едкой гарью, но она была центром нашей зимней жизни. В центре её было специальное пространство для приготовления пищи. Это пространство с черной грязной копотью выглядела устрашающе, а мне казалось, что это был её огромный рот.

Бабушка не любила грязь и каждую весну белила печь и безуспешно просила деда переложить её на новый лад, чтобы она не дымила. А еще она, давая ей разные имена в зависимости от настроения, называя её “Пугало”, “Страшилище” или “Уродина».

Мне же нравилась наша печь кормилица, и она не казалась мне уродливой. Большая Печь была моим приютом, убежищем и единственным другом. В ней я находила все тепло, комфорт и утешение, которых я не получала от людей. У меня не было теплой одежды, и зимой мне не разрешали выходить на улицу. Да и делать там маленькому ребенку было нечего. Поэтому я не любила зиму с её домашним невоьем, и постоянно ждала прихода весны. Я думала, что в один прекрасный день моя волшебная печь оживёт и отвезёт меня к маме на остров Сахалин, как это было в сказке.

На мои игрушки дед денег не тратил, поэтому я выбирала что-то удивительное из того что находила вокруг или играла в причудливые чурочки дров: “Дед за каждую копейку трясется”, – говорила бабушка. Она каждое утро выпрашивала у него деньги на продукты. А потом шла на базар со слезами от обиды и унижения, чтобы купить что-то самое необходимое и приговаривала: “Ведь его же кормить приходится”. На лежанке я хранила несколько самодельных «игрушек», с которыми я играла, используя воображение.

Весной я припасала душистый, тонкий прутик, рисовала ему нос и рот, и разговаривала с этой моей волшебной игрушкой, одушевляя его. Я представляла себе, что моя палочка имела особую магическую силу, как в сказке, что моя бабушка недавно читала. Мне хотелось верить, что если я взмахну ею и скажу какие-то секретные слова, то произойдет чудо. Мне даже приснилось однажды, что палочка поможет мне вернуть маму.

Однажды осенью, когда мы отправились с бабушкой в центр

России навещать родственников, я оставила мою волшебную палочку на лежанке и просила деда побережь её до моего возвращения. Но он все же сжег эту мою драгоценную игрушку. Не найдя её на прежнем месте, я вновь почувствовала горькую боль утраты, как будто у меня что-то украли. Я долго плакала, как будто потеряв живого друга.

Дед не любил работать или что-то делать своими руками. Но хотя и нехотя, он все же выполнял одну свою обязанность: колот дрова и приносил их в хату. У нас не было сухого места во дворе для хранения дров. Наш курятник и сарай имели большие отверстия в крыше. Дрова, как правило, были очень мокрые и не хотели сразу загораться. Так что растопить эту печь было длительным процессом. Сначала он брал маленькие, тонкие лучинки и клал их в печь, потом открывал поддувало для тяги, чтобы быстрее все растопилось.

Дед не использовал керосин или бумагу, так как они были дорогими. Керосин покупали один раз в месяц, и он использовался только для светильников, для нашей вечно закопченной настольной лампы. Дед также не хотел использовать для растопки его драгоценные газеты, на подписку которых он тратил деньги, любил читать и хранить. Когда наша упрямая печь медленно разгоралась, дрова весело потрескивали. Но наш холодный дом вместо тепла быстро наполнялся дымом и его проветривали. Дед же проводил всё своё свободное время у печи, наблюдая за огнем и поправляя дрова кочергой. Как мне казалось, он всегда смотрел на это как на развлечение. Долгими зимними вечерами мы часто сидели с моей любимой бабушкой у нашей огромной дымящейся печки, что-то шили и тихонько напевали старинные русские песни. А за окнами вторил нам, завывая с тоской, северо-восточный ветер, вырывая с корнем абрикосовые деревья и ломая ветки вишен. Это был типичный для наших мест сильнейший ураган под названием “Норд-Ост.”

Но все же была у меня старая престарая тряпичная кукла Марфушка - память об отце. Она проводила большую часть времени у печки или на подоконнике у окна, где были хорошо видны лужи и деревья, гнущиеся под ураганом. Она грустно глядела на то, что делается снаружи и почти никогда не играла со мной. Тогда и я присоединялась к ней, и мы вместе наблюдали, как льют там бесконечные осенние дожди и пузырятся лужи. Бабушка говорила, что если мы видим пузыри на лужах, то дождь будет долгим. Так и случалось.

Как-то у меня появилась еще одна кукла, которую мне подарил дядя Адик. Она была очень большая, нарядная как принцесса и